

УДК: 343.9

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10022

Тамазов Эльдар Измаилович
заместитель руководителя
Тимашевского межрайонного
следственного отдела следственного
управления Следственного комитета
РФ по Краснодарскому краю
E-mail: tamel88@mail.ru

Tamazov Eldar Izmailovich
deputy Head of the Timashevsky
Interdistrict Investigation Department
of the Investigation Department
Investigative Committee of the Russian
Federation for the Krasnodar Territory
E-mail: tamel88@mail.ru

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Введение: в статье рассматриваются проблемы установления криминологической сущности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, как отдельного вида преступности, специфика которого наряду со статусными особенностями субъекта преступления – сотрудника органов внутренних дел, обусловлена также субъект-субъектным типом коррупционного взаимодействия и конкретной сферой криминальной коррупционной деятельности – сферой охраны общественного порядка.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, общепризнанные нормы и принципы международного права, Уголовный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы, в частности законы федерального уровня, отражающие основные положения уголовной политики и лежащие в основе системы обеспечения национальной и общественной безопасности Российской Федерации, подзаконные нормативные правовые акты и иные нормативные источники в сфере противодействия коррупции. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания, а также системный, функционально-бихевиористский и институционально-интеракционистский подходы.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения криминологической теории, относящиеся к пониманию сущности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере

охраны общественного порядка, как отдельного специфического вида преступности, что дает возможность определить концептуальные направления и меры специально-криминологического предупреждения.

Выводы и заключения: коррупционному поведению свойственны все характеристики социальных практик (рефлексивность, устойчивость, воспроизводство, массовость, нормативность), а как специфическая криминальная практика коррупционное поведение выражается в постоянном воспроизводстве преступлений коррупционной направленности, запрещенных Уголовным кодексом. Совокупность коррупционных рисков соответствующей служебной деятельности должностных лиц органов внутренних дел, осуществляющих организацию и обеспечение деятельности по охране общественного порядка и непосредственно выполняющих функции (несущие службу) по охране общественного порядка, и определяет содержание коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка как самостоятельной криминальной практики.

Ключевые слова: коррупция, деятельность, криминальная практика, преступность, сотрудник органов внутренних дел, охрана общественного порядка.

CORRUPTION CRIMES COMMITTED BY EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE SPHERE OF PROTECTION OF PUBLIC ORDER AS A SEPARATE CRIMINAL PRACTICE

Introduction: the article deals with the problems of establishing the criminological essence of corruption crimes committed by employees of the internal affairs bodies in the field of public order, as a separate type of crime, the specificity of which, along with the status features of the subject of the crime - the employee of the internal affairs bodies, is also due to the subject-subject type of corruption interaction and specific the sphere of criminal corruption activities - the sphere of public order protection.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, generally accepted norms and principles of international law, the Criminal Code of the Russian Federation, other federal laws, in particular, laws of the federal level, reflecting the main provisions of the criminal policy and the underlying system for ensuring national and public security of the Russian Federation, sub-legal regulatory legal acts and other regulatory sources in the field of combating corruption. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, also methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, synthesis and description, as well as systemic, functional behavioral and institutional-interactionist approaches.

Results: allowed to clarify certain provisions of criminological theory relating to the understanding of the nature of corruption crimes committed by employees of the internal affairs bodies in the field of public order, as a separate specific type of crime, which allows to define conceptual areas and measures of special criminological warning.

Conclusions and conclusions: corruption behavior is characterized by all the characteristics of social practices (reflexivity, stability, reproduction, mass character, normativity), and as a specific criminal practice, corruption behavior is expressed in the constant reproduction of corruption crimes prohibited by the Criminal Code. The totality of corruption risks related to official activities of officials of internal affairs bodies, organizing and supporting public order protection and directly performing functions (serving) to protect public order, and determines the content of corruption crimes committed by law enforcement officers in the field of public order protection as an independent criminal practice.

Key words: corruption, activity, criminal practice, crime, employee of the internal affairs officers, protection of public order.

Преступность сотрудников органов внутренних дел непосредственным образом подрывает авторитет органов государственной власти, наносит неправимый вред установлению партнерских отношений между органами внутренних дел и населением, способствует деформации правосознания граждан и формированию правового нигилизма в обществе и т.д. Преступления сотрудников органов внутренних дел резонансные и болезненно воспринимаются обществом независимо от их вида и общественной опасности. Но особенно ощутимый вред общественным отношениям наносит совершение сотрудниками органов внутренних дел коррупционных преступлений. Поэтому актуальной является проблема предупреждения коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка.

О том, что коррупционные преступления сотрудников органов внутренних дел представляют собой не исключительные единичные случаи, а обладают такими характеристиками криминальной коррупционной практики, как устойчивость, воспроизводство и массовость, свидетельствуют статистические показатели состояния, уровня и динамики регистрируемых в стране преступлений коррупционной направленности, а также лиц, их совершивших.

Системный подход дает возможность исследовать преступность в контексте общественных отношений, а также выявить фундаментальный системообразующий признак всех преступлений – противоправное поведение человека по отношению к другому человеку или обществу в целом, которое конституируется спецификой природы человека как биосоциального существа, проявление которого на массовом уровне и образует феномен преступности – массовое, системное, криминальное (уголовно запрещенное) поведение части членов общества [1, с. 76]. Коррупция в ее криминальных проявлениях, безусловно, является ча-

стью преступности, для которой, кроме специфики единичного (частного), характерна высокая степень интегративности с другими элементами данной системы.

Исходя из интегративных теоретико-методологических подходов к пониманию коррупции – функционально-бихевиористского и институционально-интеракционистского, ее, с одной стороны, можно рассматривать как конкретное поведение субъекта властных отношений, выполняющего определенную служебную функцию, а, с другой стороны, как систему социальных отношений, носящих характер институциональных [2, с. 90].

Вопросам предупреждения коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел посвящены исследования: А.А. Тирских «Региональная криминологическая характеристика коррупции в органах внутренних дел: по материалам Восточно-Сибирского региона» (2006 г.), Д.С. Сухова «Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ГИБДД» (2009 г.), А.Ю. Смирнова «Корыстные должностные преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел: уголовно-правовая и криминологическая характеристики» (2010 г.), Н.В. Строчиловой «Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение» (2010 г.), Е.В. Стебеновой «Сотрудник органов внутренних дел как специальный субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты» (2011 г.), М.А. Багмет «Противодействие коррупции в полиции: криминологическое исследование» (2014 г.) и др.

Вместе с тем исследование предупреждения коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, с точки зрения теории социальных практик на сегодня не проводилось. Исследования отдельных аспектов заявленной проблематики (как правило, связанных со спецификой деятельности отдельных служб органов внутренних дел), безусловно, сохраняют свою высокую научную значимость и сегодня, однако содержащиеся в них некоторые положения нуждаются в конкретизации и дальнейшей разработке.

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, общепризнанные нормы и принципы международного права, Уголовный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы, в частности законы федерального уровня, отражающие основные положения уголовной политики и лежащие в основе системы обеспечения национальной и общественной безопасности Российской Федерации, подзаконные нормативные правовые акты и иные нормативные источники в сфере противодействия коррупции.

Эмпирической базой исследования послужили статистические сведения ГИАЦ МВД России о результатах работы правоохранительных (правоприменительных) органов по борьбе с преступлениями коррупционной направленности; информационные и аналитические материалы, обзоры и обобщения правоприменительной практики и другие источники первичной научной информации, характеризующие состояние противодействия коррупции в правоохранительных органах; аналитические и справочные материалы, опубликованные в средствах массовой

информации, результаты контент-анализа ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по проблеме противодействия коррупции.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания, а также системный, функционально-бихевиористский и институционально-интеракционистский подходы.

Криминальные формы коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел представляют собой разновидность преступного поведения, которое на массовом уровне воспроизводства методологически необходимо, на наш взгляд, рассматривать с позиции деятельностного подхода, т.е. как специфическую разновидность преступной деятельности.

Деятельность человека – это форма его активности, направленная на преобразование и познание самого себя, условий своего существования и окружающего мира в целом. Человеческая деятельность, как известно, является источником культуры и цивилизации и вместе с тем основной разрушительной силой. Именно деятельностный подход позволяет исследовать многообразные формы преступной деятельности в контексте человеческого существования и воспроизводства социальности, соответственно, выработать наиболее эффективные механизмы обеспечения защищенности человека и общества от криминальных угроз.

Различные формы криминальной активности, т.е. уголовно запрещенного осмысленного, целенаправленного поведения человека в социальной среде имеют различный уровень интенсивности и распространенности. Поэтому все виды преступного поведения, в том числе коррупционного, на наш взгляд, необходимо рассматривать с позиции деятельностного подхода, независимо от их «вклада» в проявление феномена преступности. В то же время следует осознавать, что выработка эффективных мер противодействия преступности невозможна без учета дифференциации форм преступного поведения в зависимости от степени стабильности их воспроизводства в социуме.

В результате совместной жизни люди взаимодействуют, приспособляясь друг к другу. При этом определенные взаимоотношения чаще и чаще повторяются, становясь привычными [3, с. 40–41]. Всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации, т.е. опривычиванию (от лат. *habitus* – особенность, свойство, состояние). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабиитуализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и с тем же практическим усилием. Важным психологическим последствием хабиитуализации оказывается уменьшение различных выборов. На практике наиболее важная часть хабиитуализации человеческой деятельности сопряжена с процессом институционализации. Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода [4, с. 78, 89–92]. Таким образом, когда

социальное действие (образец человеческой деятельности) проходит стадию опривычивания, оно становится социальной практикой, имеющей при соответствующих условиях потенциал к институционализации.

Категория «практика» в социальных науках выступает в качестве одной из определяющих, ее можно отнести ко всей сфере человеческой деятельности и мышления. В широком смысле социальные практики рассматриваются как целенаправленный вид деятельности, составляющей взаимодействия людей по преобразованию внешнего мира и самого общества, деятельности, в ходе которой человек принимает позитивный социальный опыт, получает навыки социальной компетентности (по решению практических задач в ситуации неопределенности) и реального действия в социуме – в социальной группе или по отношению к отдельным индивидам. Социальная практика предстает как совокупность конкретных опривыченных (рутинных) повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование социальных институтов [5, с. 278]. Двойственная природа социальных практик обусловлена тем, что, с одной стороны, они детерминируются социальной средой, с другой – воздействуют на социальную среду, изменяя ее структуру. Социальные практики характеризуются такими признаками, как рефлексивность, устойчивость, воспроизводство, массовость, нормативность.

С позиции деятельностного подхода и теории социальных практик опривыченные формы криминального поведения (деятельности) можно рассматривать как специфическую разновидность социальных практик – криминальные практики.

Криминальная практика – широко распространенная разновидность социальной практики, специфического социального опыта, который проявляется в поведении, запрещенном Уголовным кодексом. Криминальная практика конкурирует с другими социальными практиками: трудом, отдыхом, спортом и различными видами деятельности [6, с. 13].

Криминальное поведение выступает содержанием криминальных практик и с позиций деятельностного подхода является конституирующим элементом криминальной реальности как части реальности социальной. Имеющие единую природу, детерминирующую все формы криминальной деятельности человека, криминальные практики как устоявшиеся виды криминального поведения обретают специфические черты и закономерности воспроизводства. Исследование данных черт и закономерностей является необходимым условием недопущения интенсификации эскалации криминальных практик во все сферы социальной жизни.

Поскольку преступная деятельность фактически «встроена» в систему реальных общественных отношений, ее анализ, как верно указывает В.Н. Дрёмин, невозможен без понимания сути практической деятельности людей. С точки зрения социальных практик феномен преступности представляет собой широко распространенный вид предметной деятельности, сформированный в конкретно-историческом обществе в недрах того или иного социального института. Углубление и укрепление связей институтов с преступностью привело к формирова-

нию устойчивых тенденций по институционализации уголовных практик, с одной стороны, и криминализации социальных институтов – с другой [7, с. 250–253]. Криминальная активность, которая реализуется в криминальной практике, имеет системный характер, так как внутренне структурирована, ее разновидности тесно связаны между собой и с другими видами человеческой практики, в том числе и социально-позитивными [8].

Коррупционному поведению свойственны все характеристики социальных практик (рефлексивность, устойчивость, воспроизводство, массовость, нормативность), а как специфическая криминальная практика коррупционное поведение выражается в постоянном (по статистическим проявлениям качественно-количественных характеристик) совершении преступлений коррупционной направленности, запрещенных Уголовным кодексом.

Рефлексия, обладающая свойством синтеза личностного отношения к миру и к самому себе в этом мире, включает в себя индивидуальную позицию личности, личностный мир, наполненный субъективностью, выявление жизненных альтернатив и обоснованность выбора [9, с. 146]. Как было установлено нами ранее, коррупционное поведение является разновидностью девиантного поведения, имеющего компенсаторный механизм, связанный с неудовлетворенными потребностями, выражающееся в деятельности социальных акторов, идущей в разрез с институционализированными ожиданиями правомерного использования служебными лицами своего служебного поведения, равно как и правомерного поведения граждан по отношению к данным субъектам. Рефлексивность коррупции как криминальной практики выражается в том, что через призму отражения собственного и общественного бытия индивид осуществляет выбор типичной модели коррупционного поведения в определенной ситуации.

О таких характеристиках криминальной коррупционной практики, как устойчивость, воспроизводство и массовость свидетельствуют статистические показатели состояния, уровня и динамики регистрируемых в стране преступлений коррупционной направленности, а также лиц, их совершивших. Статистика свидетельствует, что системность и стабильность воспроизводства на массовом уровне характерна для проявлений коррупции во всех сферах управления и во всех органах публичной власти, в том числе в органах внутренних дел.

Системность коррупции проявляется, прежде всего, во внутренней взаимосвязи коррупционных отношений, включающих в себя искусственно созданную, разветвленную сеть финансовых и других материальных вознаграждений и услуг, порождающих репродукцию (воспроизводство) коррупционных отношений на различных линейных и вертикальных уровнях взаимодействия власти и населения или представителей органов власти между собой. Системность коррупции проявляется также в ее взаимосвязи с легальными экономическими процессами и включении денежного коррупционного оборота в фактический материальный доход, как и от обычной трудовой деятельности. Фактически можно говорить о сформированном виде неправовой практики, которую условно можно назвать коррупционной практикой, как разновидность повседневной социальной

практики людей. Использование термина «коррупционная социальная практика» подчеркивает социальные источники коррупции, степень ее распространенности в повседневной жизни и связь с другими видами социальных практик [10, с. 99].

Относительно такой характеристики криминальной коррупционной практики, как нормативность, следует отметить, что нормативность коррупции, в том числе ее криминальных форм определяется системой сложившихся в обществе негласных норм коррупционного поведения. Как красноречиво отмечают Л.Е. Бляхер и Н.А. Пегин, «Коррупция, тонким слоем размазанная по всему обществу, из девиации, отклонения от нормы превращается в норму» [11, с. 97].

Специфика коррупционных преступлений как разновидности криминальной практики заключается в специфике механизма коррупционного поведения, обусловленной субъект-субъектным типом коррупционного взаимодействия.

Коррупция, по мнению В.В. Измайлова, есть свойство, продукт дискреционной власти. Следовательно, в целом коррупция – «это дуалистическое явление, проявляющее себя в результате взаимодействия субъекта и объекта контроля по аналогии с представлением о преступлении как о результате динамического взаимодействия преступника и жертвы» [12, с. 114].

Действительно, коррупция в плане деятельного взаимодействия – явление дуалистическое, однако следует учитывать, что в отличие от иных видов преступного поведения в большинстве случаев контрагент преступного коррупционного взаимодействия выполняет роль не жертвы (за исключением случаев вымогательства взятки и т.п.), а роль преступника. Данные особенности механизма преступного коррупционного поведения обуславливают устойчивость, высокий уровень распространенности (массовость) и воспроизводство коррупционной преступности, ее латентность и столь успешное противодействие социальному контролю.

Говоря о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел как о криминальной практике, следует учитывать, что катализатором проявления данных характеристик является принадлежность субъекта коррупционного взаимодействия (а в ряде случаев и всех взаимодействующих субъектов) к категории сотрудников правоохранительных органов. Если один из субъектов коррупционной криминальной практики – сотрудник правоохранительных органов, это влияет не только на специфику социальных отношений, в которых такая криминальная практика реализуется, но и на уровень ее латентности и эффективность противодействия социальному контролю.

В целом преступность лиц, обладающих специфическими полномочиями в сфере борьбы с преступностью, объективно присуща всем моделям общественного устройства. Эта проблема остается неразрешенной даже в странах с высоким уровнем развития и эффективной борьбой с организованной преступностью и коррупцией. Сферы профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов весьма обширны, а потому многообразны и формы их противоправных проявлений. Кроме того, совершая различные преступления, данная категория преступников активно и весьма умело использует профессиональные знания и навыки,

связи и сведения по работе в правоохранительных органах, служебное оружие, средства связи, спецтехнику и другие возможности [13, с. 239–241; 14, с. 73]. В полной мере это относится к криминальной коррупционной практике сотрудников органов внутренних дел, являющихся одним из основных субъектов противодействия коррупции, сведущими во всех практических проблемах выявления, фиксации и доказывания коррупционных преступлений.

Что касается непосредственно специфики коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка как самостоятельной криминальной практики, то она, прежде всего, обусловлена сферой криминальной коррупционной деятельности.

Под коррупционными преступлениями, совершаемыми сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, на наш взгляд, следует понимать умышленные, корыстные преступления сотрудников органов внутренних дел, совершаемые ими с использованием служебного положения при организации деятельности, а также непосредственном выполнении функций по обеспечению соблюдения норм федерального и регионального законодательства на улицах, транспорте и в иных общественных местах, в местах с массовым пребыванием людей, при проведении публичных и массовых мероприятий, а также функций по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной охране, по охране, конвоированию и содержанию под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и содержанию несовершеннолетних правонарушителей.

Определяя систему подразделений и должностных лиц органов внутренних дел, обеспечивающих охрану общественного порядка, следует выделить две основные группы: 1) должностные лица, осуществляющие организацию и обеспечение деятельности по охране общественного порядка и 2) должностные лица, непосредственно выполняющие функции (несущие службу) по охране общественного порядка.

К должностным лицам, осуществляющим организацию и обеспечение деятельности по охране общественного порядка, относятся: а) инспектора отделов (отделений) организации охраны общественного порядка, а также инспектора отделов (отделений) охраны общественного порядка; б) инспектора отделов координации взаимодействия с органами исполнительной власти в сфере профилактики правонарушений; в) инспектора отделов (отделений) комплексного использования сил и средств территориальных органов внутренних дел (ТОВД); г) инспектора отделов организации обеспечения общественного порядка при публичных, спортивных и иных массовых мероприятиях; д) инспектора отделов по взаимодействию с общественными организациями правоохранительной направленности; е) инспектора отделов взаимодействия с правоохранительными органами по вопросам обеспечения безопасности объектов государственной охраны; ж) инспектора отделов организации деятельности участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних; з) инспектора отделов организации применения административного за-

конодательства; и) инспектора отделов, обеспечивающих конвоирование и содержание под стражей спецконтингента.

К должностным лицам, непосредственно выполняющим функции (несущим службу) по охране общественного порядка, относятся: а) сотрудники патрульно-постовой службы полиции (ППСП); б) инспектора дорожно-постовой службы (ДПС) Государственной инспекции безопасности дорожного движения; в) участковые уполномоченные полиции; г) инспектора по делам несовершеннолетних; д) руководители и инспектора отделов организации деятельности Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП); е) инспектора отделов, обеспечивающих деятельность по исполнению административного законодательства; ж) инспектора специализированных отделений (отделов) по обеспечению общественного порядка в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры; з) сотрудники изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, а также конвоя.

Следует учитывать, что деление данных субъектов на две указанные группы в некоторых случаях носит условный характер, поскольку имеет место смешение функций по организации обеспечения деятельности по охране общественного порядка и функций непосредственно по охране общественного порядка. Так, например, инспектора отделов организации обеспечения общественного порядка при публичных, спортивных и иных массовых мероприятиях, инспектора отделов организации применения административного законодательства могут привлекаться непосредственно к несению службы и выполнению функций по охране общественного порядка.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд теоретических и практических выводов, предложений и рекомендаций, направленных на понимание сущности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, как отдельного специфического вида преступности, что дает возможность определить концептуальные направления и меры специально-криминологического предупреждения.

Криминальные формы коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел представляют собой разновидность преступного поведения, которое на массовом уровне воспроизводства методологически необходимо рассматривать с позиции деятельностного подхода и теории социальных практик как специфическую опривыченную разновидность преступной деятельности, т.е. как специфическую разновидность социальных практик – криминальную практику.

Коррупционному поведению свойственны все характеристики социальных практик (рефлексивность, устойчивость, воспроизводство, массовость, нормативность), а как специфическая криминальная практика коррупционное поведение выражается в постоянном (по статистическим проявлениям качественно-количественных характеристик) совершении преступлений коррупционной направленности, запрещенных Уголовным кодексом. Катализатором проявления данных характеристик является принадлежность субъекта коррупционного взаимодействия (а в ряде случаев и всех взаимодействующих субъектов) к катего-

рии сотрудников органов внутренних дел, а также специфическая сфера криминальной коррупционной деятельности – сфера охраны общественного порядка.

Совокупность коррупционных рисков соответствующей служебной деятельности должностных лиц органов внутренних дел, осуществляющих организацию и обеспечение деятельности по охране общественного порядка и непосредственно выполняющих функции (несущие службу) по охране общественного порядка, и определяет содержание коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка как самостоятельной криминальной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Игнатов А.Н. О понятии преступности // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.М. Якимова. – М., 2018. – С. 73–77.
2. Ардельянова Я.А. Теоретико-методологические подходы к понятию «коррупция» // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 2. – № 3. – С. 86–93.
3. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994. – 560 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – 323 с.
5. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 276–280.
6. Дрёмин В.Н. Преступность и её организованные формы как социальная практика // Информационное обеспечение противодействия организованной преступности: сб. науч. статей / под ред. М.Ф. Орзиха, В.Н. Дрёмина (Библиотека журнала «Юридический вестник»). – Одесса: Феникс, 2003. – С. 12–25.
7. Дремин В.Н. Преступность как социальная практика (институциональная теория криминализации общества): монография. – Одесса: Феникс, 2009. – 616 с.
8. Дрёмин В.Н. Ограничение преступности: международный опыт // Юридический вестник. – 1994. – № 3. – С. 44–46.
9. Анистратенко Т.Г. Социальная рефлексивность в контексте методологии социальных и гуманитарных наук // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 18 – № 2 – С. 141–149.
10. Дремин В. Н. Коррупционная практика: актуальные вопросы уголовно-правового воздействия // Правовые проблемы противодействия организованной преступности: сб. науч. статей. – Одесса: Феникс, 2005. – С. 99–109.
11. Бляхер Л.Е., Пегин Н.А. Коррупция как политическая проблема: кто, как и зачем сражается с коррупцией в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2012. – № 4 (67). – С. 89–103.
12. Измайлов В.В. Преступность и правоохранительные институты: коррупция как форма взаимодействия // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 2 (31). – С. 112–117.

13. Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды, особенности профилактики). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 271 с.

14. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб.: Издательский дом СПб. гос. ун-та, 2005. – 592 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ignatov A.N. On the notion of criminality // In the collection: The main directions of the state policy of Russia in the field of ensuring national security Materials of the international scientific-practical conference. Ed. ed. E.M. Yakimov. – 2018. – PP. 73–77.

2. Ardelyanova Y.A. Theoretical and methodological approaches to the concept of "corruption" // Ideas and ideals. – 2013. – Т. 2. № 3. – PP. 86–93.

3. Sorokin P.A. Public textbook of sociology. Articles of different years. – М.: Science, 1994. – 560 p.

4. Berger P., Lukman T. The social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – М., 1995. – 323 p.

5. Shugalsky S.S. Social practices: an interpretation of the concept // Knowledge. Understanding. Skill. – 2012. – № 2. – PP. 276–280.

6. Dryomin V.N. Criminality and its organized forms as social practice // Information support for combating organized crime (collection of scientific articles). Ed. M.P. Orzikh, V.N. Dryomin / Library Journal "Legal Bulletin". Odessa: Phoenix, 2003. – P. 12–25.

7. Dryomin V.N. Criminality as a social practice (institutional theory of the criminalization of society): monograph. – Odessa: Phoenix, 2009. – 616 p.

8. Dryomin V.N. Crime Restriction: International Experience // Legal Bulletin, 1994. – № 3. – PP. 44–46.

9. Anistratenko T.G. Social reflexivity in the context of the methodology of social and human sciences // Humanities of the South of Russia. – 2016. – Т. 18. № 2. – PP. 141–149.

10. Dryomin V.N. Corruption practice: topical issues of criminal law impact // Legal problems of combating organized crime: Coll. scientific articles. – Odessa: Phoenix, 2005. – PP. 99–109.

11. Blyakher L.E., Pegin N.A. Corruption as a political problem: who, how and why fighting corruption in Russia // Politiya: Analiz. The Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). – 2012. – № 4 (67). – PP. 89–103.

12. Izmajlov V.V. Crime and law enforcement institutions: corruption as a interaction form // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2014. – № 2 (31). – PP. 112–117.

13. Altukhov S.A. Crimes of police officers (concept, types, features of prevention). – St. Petersburg: Legal Press Center Publishing House, 2001. – 271 p.

14. Modern problems and strategy of the fight against crime / Ed. by V.N. Burlakov, B.V. Volzhenkin. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg. state University Press, Faculty of Law, St. Petersburg state University, 2005. – 592 p.